

Горшкова Н. В.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ТИПАЖА ВРАЛЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ШУКШИНА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/26.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 62-64. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

7. Михайлов, С.Н. Жанровая специфика электронной коммуникации [Текст]/ С.Н.Михайлов // Русский язык: исторические судьбы и современность: Матер. межд. конгресса исследователей русского языка. - М., 2004. - С. 405.

8. Шарифуллин, Б.Я. Речевые жанры и интержанры: теория и реальность речежанрового пространства [Текст]/ Б. Я. Шарифуллин// Русский язык и активные процессы в современной речи: Матер. всероссийск. науч. - практ. конф. - Ставрополь, 2003. - С. 97-100.

9. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра [Текст]/ Т.В.Шмелева // Жанры речи. - Саратов, 1997. - С. 88-98.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ТИПАЖА ВРАЛЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ШУКШИНА)

Горикова Н. В.

Армавирский государственный педагогический университет

Лингвокультурный типаж представляет собой обобщенную языковую личность, выделяемую в лингвокультуре по принципу ее узнаваемости и частотности. Можно выделить образную, понятийную и ценностную составляющие у конкретного типажа, так как «...это концепт, содержанием которого является типизируемая личность» [Карасик 2004: 105]. Характерные черты лингвокультурных типажей отражают ценностные приоритеты культуры и моделируют шкалу ценностей. В русской культуре «враль» - это обобщенная личность, узнаваемая членами данного сообщества по основным характеристикам поведения и ценностным ориентирам, но не признаваемая данным сообществом как образец для подражания, так как ее поведение и ценности идут вразрез с общепринятыми. «Лингвокультурный типаж представляет собой набор знаний о том, как ведет себя человек, который выступает в качестве представителя соответствующей группы» [Рыдван 2005: 213]. Образ «враля» связывается в обыденном сознании либо с человеком, который достаточно ловок, чтобы зарабатывать себе «хлеб насущный», входя в доверие к окружающим (при этом его вербальное и невербальное поведение в восприятии других людей не должно вызывать никакого сомнения); либо с человеком, который врет «для своего удовольствия», и, даже взяв за основу какое-то действительно имевшее место событие, приукрашивает свой рассказ множеством выдуманных деталей, увлекается, забывает чувство меры («Ври, да знай меру!»). В первом случае речь идет о вралю-«профессионале»: жулике, вымогателе, аферисте, во втором - о том, кого воспринимают как рассказчика, шутника, возможно пустослова («пустобреха»), болтуна. Понятийная составляющая лингвокультурного типажа включает в себя совокупность существенных признаков, присущих человеку или же вымышленному персонажу, подходящему под данный типаж, зафиксированных в языке: «Враль: 1. Лгун, обманщик, тот, кто врет, обманывает, говорит неправду. Врун, так и обманщик, обманщик, так и плут, плут, так и мошенник, мошенник, так и вор. 2. Враль - это говорун, рассказчик, забавный пустослов, шутник, балагур» [Даль 1978: 260]. Любопытно, что Ожегов, в отличие от Даля, не разграничивает вралю-«мошенника» и вралю-«рассказчика»: «Враль - тот, кто постоянно врет, выдумывает вздор, нелепости, лгун, пустослов» [Ожегова 1992: 99]. То же у Ушакова: «Враль (разг.) - врун, болтун, пустослов. Он всем известный враль» [Ушакова 1935: 135].

В России всегда существовало двойственное отношение к врялям: хотя их поведение и ценностные ориентиры никогда не являлись образцом для подражания, тем не менее, общество часто шло на компромисс по отношению к ним, причем не только по отношению к так называемым «забавным пустословам, шутникам, балагурам», но и по отношению к плутам и мошенникам, лгущим во имя выгоды. «Не пойман - не вор», как говорят в народе, а если и пойман, еще не значит, что получит по заслугам, поскольку у нас, в России, «закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло». Типажи, как узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества, могут основываться на реальном или вымышленном образе. В первом случае обобщаются характеристики реальной исторической личности, во втором - вымышленного персонажа, имеющего правдоподобное сходство с реальной личностью. Наши представления о том или ином человеческом типаже включают этот типаж в мир повествования о нем, и при этом неизбежно стирается грань между фактом и фикцией [Карасик 2005]. Как писал Достоевский, «есть таланты собственно вралей или вранья». Ноздрев и Хлестаков (Гоголь, «Мертвые души», «Ревизор»), генерал Иволгин (Достоевский, «Идиот»), Шервинский (Булгаков, «Белая гвардия»), Остап Бендер (Ильф и Петров, «12 стульев», «Золотой теленок») - достойное тому подтверждение. Враль, рассказчик каких-то забавных, а иногда и ехидно-язвительных историй, в которых фигурируют знакомые ему и, главное, окружающим лица, всегда найдет себе слушателей: «Что Ноздрев лгун отъявленный, это было известно всем, и вовсе не было в диковинку слышать от него решительную бессмыслицу; но смертный, право, трудно даже понять, как устроен этот смертный: как бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, он непременно сообщит ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: "Посмотрите, какую ложь распустили!" - а другой смертный с удовольствием преклонит ухо, хотя после скажет сам: "Да это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого внимания!" - и вслед за тем сей же час отправится искать третьего смертного, чтобы, рассказавши ему, после вместе с ним воскликнуть с благородным негодованием: "Какая пошлая ложь!" И это непременно обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся непременно досыта и потом признают, что это не стоит внимания и не достойно, чтобы о нем говорить» [Гоголь 1995: 172-173]. В. Шукшин любил придавать своим героям черты, присущие данному речевому типу, именно из-за его многогранности, что позволяло трактовать их неординарно. При этом можно выявить определенные типы вралей, встречающиеся в его рассказах.

Бронька Пупков в рассказе «Миль пардон, мадам!» не устает вдохновенно повторять им же самим сочиненную историю о покушении на Гитлера. Различные эмоциональные состояния, выражаемые вербально или невербально, всегда понятны людям, принадлежащим к одной культуре. В. И. Шаховский утверждает, что язык сам разоблачает лжеца, так как зачастую анализ услышанного заставляет подозревать говорящего субъекта в неискренности [Шаховский, 1987]. В неискренности Броньку обвинить нельзя - рассказывая, он сам верит каждому своему слову, и каждый раз заново переживает ужас своего промаха; при этом речь его эмоционально окрашена, используются риторические вопросы, восклицательные предложения. К концу рассказа речь Броньки становится все более спонтанной, часто прерывается, создавая тем самым у читателя (и у слушателей в рассказе) иллюзию достоверности.

Интересен тот факт, что Бронька Пупков, бывший фронтовик и «стрелок, правда, редкий», врет не выгоды ради, и даже не для того, чтобы потешить слушателей. Враль Бронька, как ни странно это звучит, бессеребренник, «умный и удачливый» охотник, и вообще, человек незлой, «легкий». Городских охотников он ждет «как праздника», так как для него это действительно праздник - возможность самовыражения, надежда на то, что его будут слушать. С покалеченной правой рукой, без двух пальцев, Бронька все равно стрелок «редкий», он талантлив от рождения. Ложь Броньки - это его самовыражение, его несбывшаяся мечта, и сочиняет он именно о том, что он действительно мог бы сделать в силу своего таланта, в отличие, например, от Хлестакова, который врет, так как не врать не может, врет к слову, к месту и не к месту (в народе говорят: «Врет, как дышит»).

Гринька Малюгин из одноименного рассказа тоже подходит под описанный выше тип вралей по своему вербальному и невербальному коммуникативному поведению. Гринька - «врун, болтун и хохотун», именно так его воспринимают односельчане. О нем постоянно говорят: «загнул», «ляпнул», называют его «трепло», «недоразвитый», «придурковатый», придумывают ему различные прозвища, признавая его поведение странным, неестественным, а потому - неприемлемым: «... наденет черные плисовые штаны, куртку с "молниями", намочит русый чуб, уложит его на правый бочок аккуратненькой копной и пойдет по деревне -- просто так, "бурлачить"... Гриньку очень любили как-нибудь называть: "земледав", "быча", "телеграф", "морда"... И все как-то шло Гриньке» [Шукшин 1984: 63].

Но «недоразвитый» и «придурковатый» Гринька в экстремальной ситуации не теряет головы: в то время как «умные» и «положительные» его товарищи сломя голову несутся прочь от машины, на которой загорелись бочки, он действительно совершает подвиг - рискуя жизнью, спасает от взрыва бензохранилище, после чего попадает в больницу со сломанной ногой. Гринька тоже бессеребренник, он и слышать не хочет о том, что ему за его подвиг полагается какое-либо вознаграждение: «Мать посмотрела на других больных, склонилась к сыну, спросила негромко: - Деньжонок-то нисколько не дали?

- ... Все, на эту тему больше не реагирую, - отрезал Гринька» [Шукшин 1984: 75].

Гринька - из тех, кто, если и привирает, и хвастается, рассказывая о себе, в то же время живет с внутренней готовностью, как только представится такая возможность, сделать свое «вранье» правдой. И женщины любят его не потому, что «жалуют» (как считают односельчане), а потому, что он - этот «недоразвитый» и «придурковатый» - из тех, кто, не задумываясь о собственной выгоде или безопасности, кинется на помощь. Он и живет по-настоящему, только когда востребованы именно эти его качества.

Можно сказать, что данные персонажи рассказов Шукшина относятся к особому типу вралей: «враль - мечтатель», «враль - не состоявшийся герой» (а в случае с Гринькой - «состоявшийся»), который обладает следующими характеристиками: это талантливый человек, носитель диалектной культуры, мастер в своей профессии («редкий» стрелок, отличный водитель - хладнокровный, не теряющий головы профессионал), сублимирующий свою невостребованную энергию в устное творчество.

Н.Н. Панченко в своей диссертации упоминает о «столь типичном для русских размахе, ... и упоительной увлеченности процессом обманного действия» [Панченко 1999: 142]. Эти «размах» и «упоительная увлеченность», как характерные черты, присущие коммуникативному типу «враль», делают узнаваемой обобщенную личность, подходящую под данный типаж.

Список использованной литературы

1. Гоголь Н. В. Мертвые души, М., 1995.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А - З, М.: «Русский язык», 1978 - 684 с.
3. Достоевский Ф. М., полн. собр. соч. Т 19, Ленинград: Наука, 1979.
4. Ивушкина Г. А., Лингвокультурный типаж «английский аристократ». // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. - 270 с.
5. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. - 270 с.
6. КД: Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «ОБМАН» (на материале английского и русского языков). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. Волгоград - 1999. 160 с.
7. Мищенко М. В. Лингвокультурный типаж «американский ковбой». // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. - 270 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Изд-во «Азъ», 1992. - С. 907.
9. Почепцов Г.Г. Имиджология. М., 2000.
10. Радван В.М. Лингвокультурный типаж «американский супермен». // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. - 270 с.

11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935.

12. Шукшин В.М. Сборник рассказов, М., 1984.

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ МАСКУЛИННЫЙ/ФЕМИННЫЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Двали И. Г.

Поморский государственный университет

На сегодняшний день образование является важной составляющей частью развития человеческого капитала и выступает способом продвижения способностей, ценностей, истории, языков, типов мышления и поведения. Время от времени образование предстает в виде арены, на которой различные социальные группы ведут борьбу за сферы влияния. [Johansson, Paci, Novdenak 2004: 169]. Г. Е. Зборовский рассматривает образование как систему, выступающую в виде совокупности и взаимосвязи различных образовательных подсистем, а именно: допрофессионального, профессионального, непрофессионального образования; дошкольного, школьного, внешкольного образования; начального, среднего, высшего, послевузовского профессионального образования (цит.: [Осипов 2005: 82]).

Следует отметить, что традиционная социальная наука не вполне очевидно раскрывает вопросы, касающиеся исследования понятий *мужественности* и *женственности*, социального статуса женщин и мужчин, рассмотрения гендера как элемента социокультурного развития. Современные женские и гендерные исследования являются в первую очередь своего рода альтернативной философской концепцией, рассматривающей новые концептуально- методологические основы анализа социокультурного развития.

Для гендерных исследований характерно описание и изучение мужских и женских гендерных ролей в их специфической взаимозависимости. Женственность понимается не как биологически обусловленная изначальная данность, а как общественная детерминация, одна из форм социально-культурных ролей [Любимова 2001: 227].

С точки зрения теории социального конструктивизма маскулинность и феминность всегда определены в контексте как социальные конструкты, вплетенные в объективную и субъективную реальности. В первом случае трактовки маскулинности и феминности касаются их институционализированного характера в качестве представлений, стереотипов, норм и типизаций маскулинного/феминного поведения и способов их контроля и поддержания. Во втором случае маскулинность и феминность приобретают статус динамических версий идентичности, которые в свою очередь порождаются социальными структурами [Буракова: 9].

В настоящем исследовании мы рассматриваем бинарную оппозицию маскулинный/ феминный в образовательном дискурсе. В данном контексте представляется целесообразным представить трехуровневый подход при анализе бинарных оппозиций. Американский профессор Патти Латтер выделяет системный подход, при котором каждый исследователь может использовать выделенные им дихотомии в определенном им самим ракурсе путем разъединения или, наоборот, комбинации составных частей. Первый уровень предполагает идентификацию оппозиций при выявлении полярных черт. В качестве второго шага исследователь может использовать обратную интерпретацию, при которой отрицательные характерологические черты переходят в положительную сферу. Третий заключительный этап заключается в создании и выдвижении идей и позиций, проявляющих тенденции к изменениям [Knudsen 2000: 145].

Следует выделить понятия маскулинной и феминной идентичности, которые, несомненно, являются составляющими компонентами гендерной идентичности, но возникает необходимость в определенном разграничении в рамках учебной среды.

Сьюзен Кнудсен в одной из своих статей рассматривает понятия «обучение» и «самообучение» в соотношении с категориями мужчина/ женщина и маскулинность/феминность в среде высшего образования. Нормы обучение/самообучение выстраиваются в бинарную оппозицию, причем процесс самостоятельного изучения материала является маркированным членом. Автор ставит вопрос о гендерной перспективе в системе высшей школы и науки и вводит понятие маскулинного и феминного кода в университете. В общем, термины «маскулинный»/ «феминный» понимаются как социальные и культурные конструкты, выраженные посредством языка [Knudsen 2000: 138]. Категория «мужчина» ассоциируется с термином маскулинный код, категория «женщина»- с феминным кодом. Соответственно, мы можем говорить о выделении различных паттернов в процессе обучения. С. Кнудсен приводит примеры гендерной дифференциации при выборе методов обучения. Было подчеркнуто, что мужчины- преподаватели предпочитают доминантные методы, например, лекции, во время которых преподаватель берет инициативу на себя большую часть времени. Женщины- преподаватели в большей степени выбирают презентации, во время которых студенты представляют свой материал, в качестве метода обучения [Knudsen 2000: 137]. Подчеркнем, что от женщины-преподавателя не предполагается обязательное использование феминного кода. В ряде случаев может быть востребован маскулинный код.

В настоящее время мы можем отметить необходимость рассмотрения понятия маскулинной социализации. Эта необходимость возникает в результате современного социального развития, когда происходит утрата исторически сложившихся традиционных мужских ролей, и мальчикам приходится справляться с возникающими чувствами потери идентичности, неудовлетворенностью и отчаянием в процессе обучения [Skelton 1998: 6].